

Научная статья /
Research Article

УДК 821.133.1.0
ББК 83.8(4Фра)

«И ВОТ МЫ В СКАЗОЧНОЙ СТРАНЕ»¹
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СЛУЧАЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА
«ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
(1934 год)

© 2021 г. Е.В. Бельская

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Дата поступления статьи: 24 мая 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 09 июля 2021 г.

Дата публикации: 25 декабря 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-164-179>

Благодарности: Благодарю за помощь в работе над статьей Е.С. Островскую, И.В. Фомина.

Аннотация: Статья посвящена номеру французской версии многоязычного советского журнала «Интернациональная литература», в котором был воплощен один из тезисов первого съезда советских писателей о ключевой роли дидактизма в новой литературе. В «La Littérature Internationale» (1934. № 2) была напечатана подборка произведений о детях авторов из СССР, Франции, США и Германии. Цель статьи — проанализировать «детскую» подборку номера и определить ее функции во взрослом литературно-критическом журнале. Автор показывает связь сюжетных схем произведений подборки с предшествующей фольклорной и литературной традицией. Классическая сюжетная основа этих произведений позволяет ввести новые темы и сюжеты: перевоспитание и исправление, сюжет о работе на заводе и в шахте, показанный глазами детей, сопротивление гитлеровскому режиму в Германии. Делается вывод о том, что в пространстве этого номера детская подборка становится своеобразной соцреалистической моделью мировой литературы, ориентированной на готовые сюжетные схемы и дидактизм.

Ключевые слова: «Интернациональная литература», «La Littérature Internationale», советская детская литература 1930-х гг., волшебная сказка в литературе соцреализма, Первый съезд советских писателей, А. Гарри, С. Третьяков, Р. Виттенберг, Ж. Геген-Дрейфюс, Дж. Конрой.

Информация об авторе: Евгения Вячеславовна Бельская — аспирант Школы филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная 21/4 стр. 1, 105066 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9659-1631>

E-mail: evgenia.belskaja@yandex.ru

Для цитирования: Бельская Е.В. «И вот мы в сказочной стране» детской литературы: случай французской версии журнала «Интернациональная литература» (1934 год) // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 4. С. 164–179. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-164-179>

¹ Из речи Мартина Андерсена Нексе на Первом съезде союза писателей: «И вот мы в сказочной стране, в прекрасной стране пролетариата. Это значит — мы в царстве ребенка!» [27, с. 320].

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

“AND HERE WE ARE IN THE FAIRYLAND” OF CHILDREN’S LITERATURE: THE CASE OF THE FRENCH VERSION OF *INTERNATSIO- NALNAYA LITERATURA* (1934)

© 2021. Evgeniia V. Belskaia
*National Research University Higher School of
Economics, Moscow, Russia*
Received: May 24, 2021
Approved after reviewing: July 09, 2021
Date of publication: December 25, 2021

Acknowledgments: I would like to thank E.S. Ostrovskaya and I.V. Fomin for their help with this article.

Abstract: This article focuses on the issue of *La Littérature Internationale*, a French version of the multilingual Soviet journal *Internatsionalnaya Literatura*, which embodied one of the declarations of the First Congress of the Soviet writers on the key role of didacticism in the new literature. The second issue of *La Littérature Internationale* in 1934 contained a selection of works about children by authors from the USSR, France, United States, and Germany. The aim of this article is to analyze this selection of texts and to determine its function in the literary journal for adults. The author shows the connection of the plot schemes in the selection with the preceding folklore and literary tradition (a folk fairytale and literary Christmas tale, Victorian educational novel, romantic heroic novel). The classic storyline of these works allows us to introduce new themes and plots: re-education and correction, the story of working at the factory and at the mine, shown through the eyes of children as well as the resistance to Hitler’s regime in Germany. The conclusion shows that in this issue, the children’s selection forms a socialist realist model of world literature of a kind. Together with the stories for adults, it sets a pattern for the new universal literature whose plot schemes reflect the main trends in the literature of socialist realism and the anti-fascist literature of the 1930s–1940s.

Keywords: *Internatsionalnaya Literatura*, *La Littérature Internationale*, Soviet children’s literature of the 1930s, folklore fairy tale in socialist realist literature, First Congress of Soviet Writers, A. Harry, S. Tretyakov, R. Wittenberg, G. Guéguen-Dreyfus, J. Conroy.

Information about the author: Evgenia V. Belskaya, PhD student, The School of Philological Studies, National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmannaya 21/4, 1, 105066 Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9659-1631>

E-mail: evgenia.belskaja@yandex.ru

For citation: Belskaia, E.V. “‘And Here We are in the Fairyland’ of Children’s Literature: The Case of the French Version of *Internatsionalnaya Literatura*.” *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 164–179. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-164-179>

«Художественно-научная литература для детей у нас уже создается. О ней больше всего писали и пишут на Западе. Ее переводят и в Америке, и во Франции, и в Японии, и даже в маленькой Исландии», — торжественно провозгласил С.Я. Маршак на Первом съезде писателей в августе 1934 г. [24, с. 23]. Действительно, с 1923 по 1938 гг. в Европе и США прошло как минимум двадцать шесть выставок, посвященных советской книге и детской советской книге, в частности [3]. Выставки имели огромный успех по нескольким причинам. Во-первых, это было типографское и педагогическое чудо: недорогие, ярко иллюстрированные советские издания рассказывали об окружающей ребенка природе, жизни в городе и в стране. Во-вторых, советская детская книга стала источником информации не только для детей, но и для взрослых, поскольку рассказывала о социальной и индустриальной политике СССР. Огромную популярность на Западе имел изначально детский «Рассказ о великом плане» М. Ильина [19], который в начале 1930-х гг. был издан во многих странах, в том числе Англии, США, Франции и Германии [3, с. 67]. Говоря о книге М. Ильина и других «экспортных» детских книгах, С. Маршак в начале съезда писателей с удивлением отмечает, что взрослые стали непосредственной аудиторией советских детских произведений: «Написанные для детей, эти книги оказались книгами и для взрослых. / В этом одна из типичных черт нашей книги для школьников: ее читают и дети, и взрослые» [24, с. 23]. В ходе выставок за рубежом советская детская книга в буквальном смысле стала, согласно метафоре Майкла Дэвида-Фокса [1], «витриной» советских достижений в области педагогики, социальной и индустриальной политики.

К середине 1930-х гг. советская детская литература становится советской идеологической «витриной» не только в рамках выставок, где она

в основном выступала как типографский и педагогический феномен, но и в рамках реализации утопии мировой литературы (по «Манифесту» [21] К. Маркса и Ф. Энгельса) [2; 8; 9; 10]. Одним из агентов реализации этого замысла в 1930-е гг. был печатный орган МОРП (с 1935 г. орган Союза советских писателей), многоязычный журнал «Интернациональная литература»², который выходил в 1931–1945 гг. на русском, английском, немецком, французском и (с 1942 г.) на испанском языке. Любопытно, что еще за полгода до съезда писателей журнал «Интернациональная литература» фактически реализовал призыв другого докладчика, Мартина Андерсена–Нексе, который, подводя итог выступлениям М. Горького, С. Маршака, Л. Кассиля и других видных советских писателей, говоривших о важности детской литературы соцреализма, заявил: «Каждый писатель должен писать для детей; в сущности говоря, он должен писать только для детей» [24, с. 320]. В феврале–марте 1934 г. в разных языковых версиях многоязычного журнала бок о бок со взрослой литературой были опубликованы подборки произведений с главными героями детьми, которые по своей форме и содержанию относятся к детским произведениям. Таким образом, детская литература оказалась адресована непосредственно взрослому читателю.

Литературный раздел журнала, как правило, составлялся из разных произведений, но иногда выходили и специальные номера (например, по итогам Второй международной конференции революционной литературы в Харькове в 1930 г., по итогам Первого съезда союза писателей в 1934 [34; 36; 37]) и номера с тематическими подборками (например, о Беломорканале [35; 39]). Журнал был посвящен взрослой литературе и обращен ко взрослому читателю, однако во втором номере за 1934 г. в английской, немецкой и французской версиях были помещены произведения литературы о детях советских и зарубежных авторов. Какие-то из них были напечатаны в нескольких версиях параллельно: «Гвоздь» / «Портрет вождя» (“Le Clou” / “Portrait of a Leader” [47]) Рудольфа Виттенберга (во французской и английской версиях), «Рождественская повесть» (“Un Récit de Noël” [33] / “Ein Weihnachtsmärchen” [32]) А. Гарри (Алексея Бронштейна) (во французской и немецкой версиях). В дополнение к художественным текстам в разделе критики были помещены статьи и очерки о воспитании

² «Литература мировой революции» — до 1932 г. в иноязычных версиях и до 1933 г. в русской версии.

и образовании детей в СССР. В немецкой версии для этого выделен раздел «Молодежь и культура» (*Jugend und Kultur*), во французской версии приводится большой список переводных советских текстов о детском театре в СССР, о пионерах-героях (он же в английской версии) и о советской педагогике³.

Наиболее крупная подборка произведений о детях представлена во втором номере французской версии журнала (*“La Littérature Internationale”*) (пять детских произведений, тогда как в английской — четыре, а в немецкой — три). Три взрослых и пять детских произведений объединены темой борьбы. Взрослые рассказы посвящены охране границ в СССР (С. Диковский «Ночь на пограничном пункте Н. в тайге» [28]), революции и гражданской войне (О. Эрдберг⁴ «Стремительная весна»⁵ [30]), революционному движению в Китае (Эми Сяо «Нанкин-Роуд» [42]). Их обрамляют пять произведений о детях в СССР, Франции, Германии и США: известного американского писателя Джека Конроя, немецкого марксистского драматурга Рудольфа Виттенберга и детской французской писательницы Жоржетты Геген-Дрейфюс, а также советского журналиста и писателя Алексея Гарри (Бронштейна) и главного редактора русской версии «Интернациональной литературы» Сергея Третьякова.

В пяти произведениях «детской» подборки тема борьбы обретает новое измерение. В рассказе Третьякова «Дозорные урожая»⁶ [45] и «Рождественской повести» Гарри, в основе которых лежит сюжет перевоспитания героя, сирота и беспризорник борются за место в советском обществе, стремясь стать настоящими пионерами. В другой паре произведений — отрывке из романа Геген-Дрейфюс⁷ [29] и рассказе Конроя [27] — с помощью приема остранения (глазами детей) показана борьба рабочего класса во Франции и

3 La liste des héros [Список героев] [38]

V. Finn — A propos de la “Bouza” [По поводу «бузы»] [31]

S. Roudine — Que deviendrai-je? [Кем я стану?] [41]

T. Tess — Les talents [Таланты] [44]

E. Volkova — Les enfants dans leur théâtre [Дети в своем театре] [46]

E. Mindline — Origine des sentiments. Conversations et Commentaires [Истоки чувств. Беседы и комментарии] [40]

V. Smirnova — Sans craintes [Без страхов] [43]

4 Псевдоним Оскара Сергеевича Тарханова (1901–1938).

5 Рассказ вышел ранее по-русски [23].

6 Рассказ вышел в сборнике в 1934 г. [18].

7 В журнале неверно записана фамилия автора: Дрейфюс-Геген вместо Геген-Дрейфюс.

США. Пятый рассказ, «Гвоздь» Виттенберга, казалось бы, стоит особняком, поскольку в нем показан не мир СССР и типично не капиталистический мир, а гитлеровская Германия, однако на уровне нарратива он представляет некий синтез четырех остальных произведений: в нем образы страдающего ребенка из «капиталистического» нарратива о детстве соединяются с образами героя-ребенка из советских произведений о детстве. Далее будут более подробно рассмотрены сюжетные схемы этих произведений.

Рассказ Третьякова «Дозорные урожая» и «Рождественская повесть» Гарри посвящены историям мальчиков-сирот, Яши и Гриши Котляренко, каждый из которых преодолевает свой непростой путь к детскому коммунистическому раю, в первом случае это пионерский съезд в Ростове, во втором — трудовая коммуна имени Ф.Э. Дзержинского. «Дозорные урожая» — очерковый рассказ, этот жанр Сергей Третьяков усвоил после двухлетней работы в колхозе в Ставрополье, где в 1928–1930 гг. один из главных adeptов документальной фотографии и фотомонтажа в СССР, в прошлом футурист, работал редактором газеты и журналистом [2, с. 71, 98, 211]. В 1932 г. Третьяков стал членом секретариата МОРПа и главным редактором русской версии «Интернациональной литературы». Один из главных героев повести Алексея Гарри (Бронштейна) — чекист, благодаря которому свершается удивительное для атеистической реальности СССР 1934 г. рождественское чудо. Несмотря на то что «Рождественская повесть», насколько известно, не была издана в СССР, для Гарри, журналиста и автора детских рассказов о чекистах и гражданской войне [14; 15], это произведение можно считать программным. Очерк о жизни колхоза и повесть о чекисте типичны не только для авторов, Третьякова и Гарри, но и в целом для литературы начала 1930-х гг.

Оба произведения построены по характерной для соцреализма сюжетной схеме перевоспитания героя, актуальной и для детской литературы начала 1930-х гг.⁸ Как показывает К. Кларк в монографии «Советский

8 За полгода до выпуска второго номера «La Littérature Internationale» (1934) в журнале «Мурзилка» был напечатан рассказ Л. Кассиля «Алешка-Рязань» [20] о мальчике-сироте, которого тоже подбирает добродетельный чекист, однако, в отличие от Гриши, Алешка не дает отправить себя в детскую трудовую колонию и становится вором. Чудо перевоспитания, по Л. Кассилю, превращение из «получеловека» в человека [20, с. 7], происходит с героем уже во взрослом возрасте, когда все тот же чекист отправляет его на Беломорканал, где Алешка находит свое призвание в строительстве плотины и даже совершает подвиг, спасая пробитую конструкцию. Подобно детской колонии в «Рождественской повести», взрослый трудовой лагерь на Медвежьей горе показан сказочно, потому как это и есть советское волшебное,

роман: история как ритуал» (“The Soviet novel: history as ritual”), нарративные схемы соцреалистического романа близки схемам волшебных сказок в силу ритуальности их сюжета и устойчивости символических форм [6, p. 3, 10–11]. К. Кларк использует пропповскую терминологию, в частности, для описания фабулы «Молодой гвардии» А. Фадеева, называя роман сказкой о герое, который отправляется на поиски «сознательности» (consciousness), как за недостатчей (по В. Проппу [4]) [6, p. 162]. Мы полагаем, что подобная методология анализа применима и к рассматриваемым произведениям Гарри и Третьякова, тем более что обретение упомянутой коммунистической сознательности — главный итог произведений о перевоспитании.

В обоих произведениях есть помощники/дарители, оба мальчика обретают новый облик (Яшу переодевают перед отправкой в Ростов, Гришу — перед отправкой в коммуны), оба героя проходят испытание (Яша — на колхозном съезде пионеров, когда его судят за кражу орехов, а Гриша — в детской коммуне, когда во время испытательного срока он учится уважать общественное имущество). Однако Третьяков не следует прямо законам волшебной сказки: в «Дозорных урожаях» подаренные предметы и помощники не несут значимой сюжетной функции. Яша отправляется в путешествие на районную МТС, а затем в Ростов, при этом на всех этапах его наделяют экипажем (подсаживают на телегу), одаривают и преобразуют подобно герою сказки [45, с. 26], но эти подарки не помогают герою преодолевать препятствия, поскольку таковых нет на его пути, это своеобразная награда избранному представлять свой колхоз на съезде пионеров. В то же время в «Рождественской повести» герой неоднократно оказывается в беде, из которой его выручают различные помощники: чудесное спасение — один из ведущих мотивов повести. Гриша чудом спасается от ареста во время очередного «дела», чудом его, голодного и замерзающего, замечает в снегу оставшийся неназванным чекист. Рассказчик подчеркивает сказочность происходящего: «Яркие пучки фар блуждали по заснеженным деревьям, очень похожим на декорации к сцене рождественской ночи»⁹. Главное «рождественское» чудо в повести происходит, когда Гришу

сказочное пространство, в котором происходит чудо перевоспитания: в духе уже не диккенсовской, а пушкинской сказки Алешка становится тридцать третьим «богатырем» в трудовом отряде дядки Беломора (бывшего вора).

⁹ “La gerbe éclatante des phares errait sur les arbres couverts de neige qui ressemblaient alors à la décoration d’une scène de la nuit de Noël” [28, p. 39].

принимают в коммуну, где он легко приспосабливается к новой жизни, как будто был всегда предрасположен к таким порядкам, однако это говорит о глубокой внутренней трансформации, которая произошла с ним, от страха смерти и под влиянием проявленной к нему доброты.

В пропповской терминологии «Дозорные урожая» завершаются «возвращением домой»: после посещения съезда пионеров в Ростове Яша возвращается в свой колхоз, тогда как Гриша из «Рождественской повести» остается в «месте нахождения предмета поисков» (в детской коммуне). Такое расхождение обусловлено изначально разным положением героев: жестокий мир детских домов и разбойничьих шаек малолетних преступников, к которому принадлежал Гриша, скорее соответствует «миру профанного» (profane world), который обычно покидает герой волшебной сказки. Для Гриши мир детской коммуны, соответствующий «миру высшей реальности» (higher reality) волшебной сказки, представляет полную противоположность покинутому «профанному» миру его прошлого [6, p. 227]. В то же время в «Дозорных урожаях» колхоз, который покидает Яша, представляет не противоположность, а прообраз «истинного» мира, который Яша находит в Ростове, поскольку и колхоз, и пионерская ячейка в нем — это такие же элементы социалистического строя, как и ростовский съезд пионеров. Разница финалов объясняется также тем, что в «Рождественской повести» кульминацией является эпизод перевоспитания/исправления героя, а в рассказе «Дозорные урожая» — ростовский съезд пионеров, ярко показанный в конце. То есть если для Яши путешествие в Ростов — награда за исправление (раскаяние на пионерском съезде), то настоящее исправление Гриши происходит только в детской коммуне.

Особенность «Рождественской повести» в том, что она выстраивается по канонам не волшебной сказки как таковой, а рождественской сказки, с отчетливыми отсылками к претекстам, в том числе «Девочке со спичками» Г.-Х. Андерсена, рождественским повестям и «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса. Финал «Рождественской повести», с одной стороны, соответствует жанру соцреалистических произведений о перевоспитании, когда герой исправляется и остается в обретенном «истинном» мире того или иного трудового коллектива, а с другой стороны, отсылает к финалу андерсеновской сказки: подобно героине у Андерсена, Гриша засыпает на снегу и по пробуждении попадает в иной мир (теплых комнат спасшего

его чекиста, а затем в коммуны), этот мир соотносится с чудесным загробным миром, в который попадает «Девочка со спичками». Гарри жанрово обыгрывает привычную европейскому читателю (в том числе подписчикам французской версии «Интернациональной литературы») сказочную традицию, показывая, каким должно быть настоящее рождественское чудо и что оно возможно только в СССР¹⁰.

Своеобразную рамку «детской» подборки представляют произведения о жизни рабочих во Франции и в США: это отрывок романа «Ты будешь рабочим» Геген-Дрейфюс¹¹ и автобиографический рассказ Конроя «Детство в руднике». В обоих случаях социальная критика реализуется за счет изображения капиталистического мира с помощью остраненного, по В. Шкловскому, взгляда (глазами ребенка) на взрослые дела, например, борьбу со штрейкбрехерством. В основе обоих произведений лежит сюжетная схема, характерная для описания викторианского детства. Сирота Жан из романа Геген-Дрейфюс с двенадцати лет поступает на корабельный завод и, подобно Дэвиду Копперфильду, выполняет тяжелую взрослую работу вместе с другими детьми, которые и дома видели только жестокость и насилие. В отличие от Жана из французского романа, Джеку еще нет двенадцати, и поэтому он только наблюдает, как работают его отец и братья. Оба мальчика видят смерть других детей, которые погибают на работе. В романе «Ты будешь рабочим» по вине надзирателя погибает мальчик Огюстен, а в «Детстве в руднике», получив травму в шахте, погибает старший брат рассказчика, Тим. В рассказе Конроя капиталистическая система обретает лицо в образе владельца шахты, который игнорирует забастовку рабочих. Джек и сам становится участником столкновения на классово-почвенной почве с сыном владельца шахты в яркой, практически марк-твенновской сцене: мальчик оскорбительно дразнит сестру Джека, и за это Тим пачкает грязью его белоснежную рубашку и золотистые кудри. В отрывке из романа «Ты будешь

10 Нам пока не удалось найти издания повести Гарри на русском, вероятно, она не была напечатана в СССР и вышла только в немецкой и французской версиях «Интернациональной литературы». Поскольку основная часть тиража этих версий поставлялась за границу, можно предположить, что повесть была специально написана для иностранного читателя. В то же время в 1934 г. Рождество было запрещено, и только в 1935 г. в СССР было разрешено празднование Нового года с елкой, что вернуло зимнему празднику атмосферу дореволюционного Рождества, а значит, и рождественское чудо снова стало возможно.

11 Роман переведен целиком в СССР в 1936 г. [16].

рабочим» и рассказе «Детство в руднике» накладываются две сюжетные парадигмы: викторианское детство (с центральным образом страдающего ребенка, который отсылает к диккенсовской традиции) и романтический подвиг, где в центр сюжета помещается образ борющегося героя, в том числе ребенка, напоминающий Гавроша из «Отверженных» В. Гюго, который живет на улице, заботится о других брошенных детях и в конце погибает во время июньского восстания 1832 г. в Париже, отстаивая права народа.

В рассказе «Гвоздь» (“Le Clou”) Р. Виттенберга меняется не только страна, но и характер конфликта, в который вовлекается главный герой. В одном классе берлинской школы для девочек учительница приносит портрет Гитлера, и одна из учениц отказывается вбить в стену гвоздь и повесить портрет. В школу приглашают отца Хильды, и обнаруживается, что Хильду дома не наказывают, более того, у семьи нет ни флага нового правительства, ни портрета Гитлера. Через несколько дней и ее отца отправляют в Ораниенбург. В конце Виттенберг дает понять, что для Хильды не все потеряно: девочка обретает поддержку других учениц (кто-то из сочувствующих школьниц кладет ей яблоко и булочки). Рассказ Виттенберга освещает антифашистскую тему, актуальную в 1930-х гг. и для советской детской литературы. В «Пионерской правде» неоднократно выходили заметки о детях немецких рабочих [13; 22]. В журнале «Мурзилка» за сентябрь 1933 г. был напечатан похожий до карикатурности на рассказ «Гвоздь» сюжет с девочкой в немецкой школе. «Рассказах о фашистах и пионерах» Анна Гринберг приводит историю об одной берлинской школе, в которой школьники (дети рабочих-коммунистов) открыто противостоят учителю-нацисту, например, не поют, а только открывают рот во время исполнения классом «Хорст Вессель» [17, с. 10]. Как и в рассказе «Гвоздь», здесь есть и упоминание лагерей (тюрьма), и антигитлеровский жест, но о наказании за него в этой лубочной истории для детей младшего возраста речь, однако, не заходит.

На первый взгляд рассказ Виттенберга далек от индустриальных произведений Геген-Дрейфюс и Конроя, и от сказочных историй перевоспитания Гарри и Третьякова, однако в нем находят отражение ключевые черты этих четырех текстов. Как повествование в романе «Ты будешь Рабочим» и рассказе «Детство на руднике», так и повествование в «Гвозде» можно назвать остраненным, поскольку автор устраняется из повествования, помещая читателя в позицию наблюдателя: читатель видит события

глазами ученика школы, в которой учится Хильда. Поэтому рассказчику удастся нарисовать яркую и страшную картину гитлеровской Германии. Образ Хильды, с одной стороны, символизирует борьбу против враждебной власти, инварианты которой показаны у Геген-Дрейфюс и Конроя, а с другой стороны, воплощает идеал пионера, к которому стремятся главные герои «Рождественской повести» и рассказа «Дозорные урожая»¹².

Пять детских произведений из литературной подборки второго номера французской версии «Интернациональной литературы» за 1934 г. воспроизводят основные сюжетные типы, которые в дальнейшем будут актуальны для литературы соцреализма: перевоспитание, страдание и героизм. В советских произведениях, «Рождественской повести» Гарри и «Дозорных урожая» Третьякова, показаны истории перевоспитания, которые заимствуют сюжетные схемы волшебной сказки, а также авторской сказки Диккенса и Андерсена. Страдание и противостояние враждебной власти лежит в основе сюжетов «Детства в руднике» и «Ты будешь Рабочим», при этом Конрой и Геген-Дрейфюс обращаются к наследию Гюго, Диккенса и Марка Твена. Виттенберг в рассказе «Гвоздь» разрабатывает новый героический сюжет, который в 1934 г. перекликается с советскими произведениями о пионерах-героях, а впоследствии будет актуален для большого количества произведений о Второй мировой войне. Рассмотренные произведения представляют своеобразный палимпсест предшествующей фольклорной и литературной традиции, напоминающей список литературы, на который, по мнению Маршака, с 1934 г. стоит ориентироваться советским писателям: «...рядом с классиками, рядом с “Детством” Горького им [советским читателям-детям] нужен “Том Сойер” Марка Твена, Жюль Верн, “Дэрсу-Узала” Арсеньева, “Пакет” Пантелеева...» [24, с. 23].

Представляется, что к «детской» подборке номера продуктивно было бы применить используемое в современных исследованиях периодических изданий понятие «эмергенции» (emergence, [7]) — т. е. приращения смысла, которое происходит от соположения различных вербальных и невербальных текстов в пространстве журнала (по аналогии с приращением, которое

12 Сюжет рассказа «Гвоздь» напоминает биографии пионеров-героев, когда главный персонаж оказывается один на один с врагами, как, например, в эпизоде из «Кулацкого гнезда» Соломеина, где Павлик Морозов спорит с дедом и дядей о колхозе и коллективизации [25, с. 40–41].

происходит в помещенных рядом отдельных информационных элементах внутри базы данных, в результате их спонтанного взаимодействия внутри образовавшейся группы) [7, р. 113]. Произведения подборки складываются в своеобразную соцреалистическую модель мировой литературы, обличительного реализма капиталистического мира с его страдающим героем до советских сюжетов о перевоспитании нерадивых персонажей и подвигах пионеров и чекистов, и даже заглядывает в будущее, предвосхищая появление литературы о Второй мировой войне. Эта литературная модель переключается со взрослыми произведениями номера, посвященными революционной борьбе и подвигу. Помещенные бок о бок в одном номере «Интернациональной литературы», эти условно детские и взрослые произведения начинают вместе работать как сложная творческая лаборатория, переплавляющая сюжетные схемы и ходы в единое пространство соцреалистической литературы, обращенной и к детям, и ко взрослым. Эта литература бесконечно задействует типичные сюжетные схемы и приемы. В произведениях подборки находим отсылки к классической литературе и волшебной сказке как на уровне сюжетных схем (викторианское детство, романтический подвиг ребенка-героя, путешествие героя за недостатчей), так и среди узнаваемых образов (золотистые кудри мальчика из «Детства в руднике», фигура замерзающего на снегу ребенка из «Рождественской повести»). И, благодаря «детскому» материалу, она усиленно дидактична — в соответствии с основным вектором развития соцреалистической литературы во второй половине 1930-х – 1940-х гг. Как отмечает Омри Ронен, «на писателя для взрослых, “инженера человеческих душ”, установочные доклады съезда возложили большую дидактическую функцию, чем на детского писателя», поскольку первый должен был ориентироваться на смешанную, взрослую и детскую, аудиторию [5, с. 971].

Кажется неслучайным, что наиболее крупная «детская» подборка была напечатана во французской версии журнала. Ее появление мог инспирировать главный редактор “La Littérature Internationale”, представитель МОРПа во Франции, Поль Вайян-Кутюрье. Помимо активной редакторской и политической работы, он был писателем, и в том числе детским (так, в 1920-е и в 1930-е гг. в СССР несколько раз печатали перевод и переложение его известного романа «Жан бесхлебный» (“Jean-sans-pain”) [12; 26]). Согласно Матильде Левек, Вайян-Кутюрье, по сути, создал коммунистиче-

скую литературу для детей на французском [11], с этой точки зрения, второй номер “La Littérature Internationale” за 1934 г. стал своего рода кульминацией этого начинания: таким образом совпали личные творческие устремления редактора и концептуальный проект журнала.

Список литературы

Исследования

- 1 *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 561 с.
- 2 *Кларк К.* Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941) / пер. с англ. О. Гавриковой и А. Фоменко. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 511 с.
- 3 *Мяэотс О.Н.* Советские детские книги в Европе и в США в 1920–1930-е гг. // Детские чтения. 2017. № 2 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-detskie-knigi-v-evrope-i-v-ssha-v-1920-1930-e-gg> (дата обращения: 20.07.2020).
- 4 *Пропл В.Я.* Морфология (волшебной) сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 511 с.
- 5 *Ронен О.* Детская литература и социалистический реализм // Соцреалистический канон / Сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 969–979.
- 6 *Clark K.* The Soviet novel: history as ritual / 3rd ed. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2000. 320 p.
- 7 *Drouin J.* Close- and Distant-Reading Modernism: Network Analysis, Text Mining, and Teaching the “Little Review” // The Journal of Modern Periodical Studies. 2014. No. 1 (5), P. 110–135. URL: www.jstor.org/stable/10.5325/jmodeperistud.5.1.0110. (дата обращения: 14.05.2021).
- 8 *Ostrovskaya E., Zemskova E.* From International Literature to World Literature: English translators in 1930s Moscow // Translation and Interpreting Studies. 2019. Vol. 14, № 3. P. 351–371. DOI: 10.1075/tis.18025.ost
- 9 *Safullina N., Platonov R.* Literary translation and soviet cultural politics in the 1930s: the role of the journal “Internacional'naja literatura” // Russian literature. 2012. Vol. 72, № 2. P. 239–269. DOI: 10.1016/j.ruslit.2012.08.005
- 10 *Sherry S.* Discourses of Regulation and Resistance: Censoring Translation in the Stalin and Khrushchev Era Soviet Union. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. 208 p.
- 11 *Lévêque M.* Les écrivains communistes pour la jeunesse pendant l'entre-deux-guerres // Itinéraires. 2011. № 4. URL: <http://journals.openedition.org/itineraires/1400> (дата обращения: 20.07.2020).

Источники

- 12 *Вайян-Кутюрве П.* Жан бесхлебный / пер. с фр. М. А. Гершензона. М.: Гос. изд-во, [19--] 36 с.
- 13 *Вилли Гер.* МОПР помогает германским пионерам // Пионерская правда. 1926. № 32 (74). С. 3.
- 14 *Гарри А.Н.* Конец Петлюры: Рассказы. М.: Журн.-газ. объединение, 1934. 31 с.
- 15 *Гарри А.Н.* Снег на крыльях: Для средн. и старш. возраста [М.]: Детгиз, 1935. 48 с.
- 16 *Геген-Дрейфюс, Ж.* Ты будешь рабочим / пер. с фр. под ред. А.С. Кулишер. Л.: Гослитиздат, 1936. 312 с.
- 17 *Гринберг А.* Рассказы о фашистах и пионерах // Мурзилка. 1933. № 9. С. 7–11.
- 18 *Дозорные урожая: Эта лучшая жизнь достанется вам / С.М. Третьяков.* М.: Детгиз, 1934. 32 с.
- 19 *Ильин М.* Рассказ о великом плане: Пятилетний план. Издание для детей. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 170 с.
- 20 *Кассиль Л.* Алешка-Рязань // Мурзилка. 1933. № 10. С. 5–12.
- 21 *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Marxist Internet Archive. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm> (дата обращения: 10.07.2020).
- 22 *Мюллер Э.* Немецкие дети // Пионерская правда. 1926. № 32 (74). С. 3.
- 23 *На рубеже: Д.-Вост. лит.-худ. и обществ.-полит. альманах.* М.; Хабаровск: Дальгиз, [1933]. 121 с.
- 24 *Первый всесоюзный съезд советских писателей: стенографический отчет.* М.: Худож. лит., 1934. 719 с.
- 25 *Соломеин П.Д.* В кулацком гнезде: Рассказ о пионере Павле Морозове. М.; Свердловск: Мралогиз, 1933. 79 с.
- 26 *Чуковский К.И.* Жан-беднота и заяц: Сказка для детей всех возрастов / По П. Кутюрве рассказал К. Чуковский. Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. 25 с.
- 27 *Conroy J.* Enfance dans une mine // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 72–81.
- 28 *Dikovskiy S.* Une nuit au poste-frontière N. dans la taïga // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 42–52.
- 29 *Dreyfus-Guéguen G.* Tu seras un ouvrier // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 3–18.
- 30 *Erdberg O.* Printemps impétueux // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 53–64.
- 31 *Finn V.* A propos de la “Bouza” // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 86–90.
- 32 *Garri A.* Ein Weihnachtsmärchen // Internationale Literatur. 1924. № 2. P. 67–77.
- 33 *Harry A.* Un récit de Noël // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 42–52.
- 34 *International Literature.* 1934. № 4.
- 35 *Internationale Literatur.* 1933. № 2.
- 36 *Internationale Literatur.* 1934. № 3.
- 37 *Internationale Literatur.* 1934. № 5.

- 38 La liste des héros // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 82–85.
 39 La Littérature Internationale. 1933. № 5.
 40 Mindline E. Origines des sentiments. Conversations et Commentaires // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 110–118.
 41 Roudine S. Que deviendrai-je? // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 91–100.
 42 Siao E. Nankin-Road // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 65–66.
 43 Smirnova V. Sans craintes // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 119–123.
 44 Tess T. Les talents // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 101–103.
 45 Tretiakov S. Gardiens de récoltes // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 19–32.
 46 Volkova E. Les enfants dans leur théâtre // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 104–109.
 47 Wittenberg R. Le clou // La Littérature Internationale. 1934. № 2. P. 67–71.
 48 Portrait of the Leader // International Literature. 1934. № 2. P. 36–40.

References

- 1 Devid-Fox, M. *Vitriny velikogo eksperimenta: kul'turnaia diplomatiia Sovetskogo Soiuzu i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody* [*Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*], trans. by V. Makarov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 561 p. (In Russ.)
 2 Clark, K. *Moskva, chetvertyi Rim: stalinizm, kosmopolitizm i evoliutsiia sovetskoi kul'tury (1931–1941)* [*Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941*], trans. by O. Gavrikova and A. Fomenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 511 p. (In Russ.)
 3 Miaeots, O.N. “Sovetskie detskie knigi v Evrope i v SShA v 1920–1930-e gg.” [“Soviet Children’s Books in Europe and the USA in the 1920–1930s.”]. *Detskie chteniia*, no. 2 (12), 2017. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-detskie-knigi-v-evrope-i-v-ssha-v-1920-1930-e-gg> (Accessed 20 July 2020). (In Russ.)
 4 Propp, V.Y. *Morfologiia (volshebnoi) skazki. Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [*Morphology of the Folktale*]. Moscow, Labirint Publ., 1998. 511 p. (In Russ.)
 5 Ronen, O. “Detskaia literatura i sotsialisticheskii realizm” [“Children’s Literature and Socialist Realism”]. *Sotsrealisticheskii kanon: sb. statei* [*Social Realist Canon: Collection of Articles*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 969–979. (In Russ.)
 6 Clark, Katerina. *The Soviet Novel: History as Ritual*. 3rd ed. Bloomington; Indianapolis, Indiana University Press, 2000. 320 p. (In English)
 7 Drouin, Jeffrey. “Close- and Distant-Reading Modernism: Network Analysis, Text Mining, and Teaching the Little Review.” *The Journal of Modern Periodical Studies*, no. 1 (5), 2014, pp. 110–135. Available at: www.jstor.org/stable/10.5325/jmodeperistud.5.1.0110 (Accessed 14 May 2021). (In English)

- 8 Ostrovskaya, Elena, Zemskova, Elena. "From International Literature to World Literature: English Translators in 1930s Moscow." *Translation and Interpreting Studies*, no. 3 (14), 2019, pp. 351–371. DOI: 10.1075/tis.18025.ost (In English)
- 9 Safiullina, Nailya, Platonov, Rachel. "Literary Translation and Soviet Cultural Politics in the 1930s: The Role of the Journal 'Internacional'naja Literatura'." *Russian literature*, no. 2 (72), 2012, pp. 239–269. DOI: 10.1016/j.ruslit.2012.08.005 (In English)
- 10 Sherry, Samantha. *Discourses of Regulation and Resistance: Censoring Translation in the Stalin and Khrushchev Era Soviet Union*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2015. 208 p. (In English)
- 11 Lévêque, Mathilde. "Les Écrivains Communistes pour la Jeunesse Pendant l'Entre-deux-guerres." *Itinéraires*, no. 4, 2011. Available at: <http://journals.openedition.org/itineraires/1400> (Accessed 20 July 2020). (In French)